

Петербург — город на воде

Водное пространство Петербурга играло и продолжает играть огромную роль не только в повседневной жизни города, но и в его культурно-психологической атмосфере, в формировании образа города и психологии его обитателей. В статье, с использованием, в том числе, ряда малоизвестных и забытых произведений художественной литературы, продемонстрировано многообразие психологического опыта, связанного с водной стихией города.

«Наличие широкой судоходной реки с ее многочисленными рукавами и протоками, обилие расположенных между ними крупных и мелких островов, обширная сеть каналов — составляют главные отличительные черты Ленинграда. Около одной шестой территории города (не считая пригородов) занято под водой, причем на внутренние воды районов приходится свыше 1 782 га» (1). Эти сухие сведения из путеводаителя лишь намекают на ту огромную роль, которую водные пути играли и продолжают играть не только в повседневной жизни Петербурга — Петрограда — Ленинграда, но и в его, можно сказать, культурно— психологической ауре, в формировании образа города и психологии его обитателей. Из многочисленных прозаических и поэтических произведений, посвященных рекам и каналам города, приведу здесь небольшое стихотворение Александра Кушнера:

Ленинградские реки

Привели меня к дому сперва,
Где жил Пушкин. Сказали: «Постой-ка...»
Я спросил: «Эта речка — Нева?»
Мне сказали: «Ты что, это Мойка».

А потом вроде узкого рва
Видел речку свинцового цвета
Я спросил: «Неужели Нева?»
— Нет, канал Грибоедова это.

А потом шелестела листва.
Сколько статуй! Какая прохлада!
Я спросил: «Эта речка Нева?»
— Нет, Фонтанка, у Летнего сада.

А потом синева, синева,
Шпиль и солнце, и волны, и ветер.
Я не спрашивал: «Это Нева?»
Я и сам бы любому ответил!

Реки и каналы — каждый «со своим лицом» — создают рядное разнообразие городского ландшафта, привлекающее и жителей города и его гостей. Водное пространство играет важную роль в формировании понятия «красота Петербурга», которое сегодня представляется нам чем-то бесспорным и очевидным, однако Александру Бенуа в свое время приходилось отстаивать правомерность такого понятия. Примечательно, что в своих знаменитых воспоминаниях Бенуа буквально с первых страниц обращается к «водной» стороне Петербурга. *«Вообще во всем Петербурге царит изумительно глубокая и чудесная музыкальность. Пожалуй, это идет от воды (по количеству рек и каналов Петербург может соперничать с Венецией и Амстердамом), и музыкальность эта как бы заключается в самой влажности атмосферы» (2).* На наш взгляд, говоря о «влажности атмосферы», порождающей музыкальность (и приводя в качестве примера музыку «Пиковой дамы» «с ее чудодейственным вызыванием теней»), Бенуа имел в виду осо-

Ключевые слова: Петербург; близость моря; реки и каналы; мосты; туманы; психологическая атмосфера города.

Дмитрий Равинский

кандидат педагогических наук
ст. научный сотрудник
Российской национальной библиотеки

бый характер Петербурга как «города туманов и снов» (Поликсена Соловьева).

«Туманность», «призрачность» давно стали характерными чертами образа Петербурга. (См. хотя бы «Петербургские туманы» И.И. Ясинского, где «туманы» становятся определяющей чертой городского менталитета). Нина Берберова, впервые побывав в Нью — Йорке, неожиданно обнаружила в нем сходство с Ленинградом: *«Водные пространства и особый свет, идущий от них, придают всему тот же характер призрачности и временности, или вневременности, или безвременности. Москва, Лондон, Рим, Париж стоят на месте. Ленинград и Нью — Йорк плывут, расставив все свои паруса, разрезая бушпритом пространство, и могут исчезнуть — если не в действительности, то в видении поэта, создающего миф» (3).*

Следует отметить, что Петербург — не просто город со множеством рек и каналов, но еще и морской порт. «Влажность атмосферы» города определяется во многом и близким присутствием моря. Плохая погода, своеобразная «визитная карточка» Петербурга воспринимается как следствие этой близости. Ветер, волны, туманы и дождь — все это дыхание моря, внешней, неуправляемой стихии. Г.П. Федотов в своем эссе «Три столицы» увидел в этом едва ли не основу особой роли Петербурга в русской истории: *«Но выйдем из стен Академии на набережную. С Невы тянет влажный морской ветер — почти всегда западный ветер. Не одни наводнения несет он петровской столице, но и дух дальних странствий. Пройдитесь по последним линиям Васильевского острова или к устью Фонтанки, на Лоцманский островок, — и вы увидите просвет моря, отшвартованный пароход, якоря и каналы, запах смолы и соли, — сердце дрогнет, как птица в неводе. Потянет вдаль, на чудесный Запад, омытый Океаном, туда, где цветут сады Гесперид, где из лона возникают Острова блаженных. Иногда шепчет искушение, что там уже нет ни одной живой души, что только мертвые блаженны. Все равно, тянет в страну призраков, «святых могил», неосуществленной мечты о свободной человечности. Тоска целых материков — Евразии — по Океану скопилась здесь, истекая узким каналом Невы в туманный, фантастический Балт. Оттого навстречу западному ветрам с моря дует вечный «западнический» ветер с суши. Петербург остается одним из легких великой страны, открытым западному ветру» (4).*

И при этом — водное пространство стало неотъемлемой частью классического петербургского пейзажа, стало не только визуальное, но и акустическое: разносящиеся над водной гладью негромкие звуки создают очарование петербургского летнего вечера или белой ночи. *«Они или молча. На улице царила полнейшая тишина. Теплый ветерок приносил по временам аромат распускающихся почек. В сероатом, призрачном сумраке спали дворцы и дома. С середины Невы доносился плеск весел еле видной лодки. Набережная была почти безлюдна и беззвучна, лишь изредка слышался тихий говор сидевших там и сям в гранитных выступах на скамейках солдата с мужиком или двух баб, усевшихся тут подышать вечерней прохладой. И лениво, чуть слышно шелестя о темный гранит, — катилась серая река, уходила в таинственную*

мглу под мост, катилась дальше и сливалась далеко — далеко с седой дымкой на горизонте.

— Ах, — воскликнула Муся: — что бы то ни было, а как хорошо жить на свете!» (5).

А вот другой речной петербургский пейзаж, но на этот раз не парадный, а захолустный. «Приближалась светлая петербургская ночь. Бледное небо, с палевым оттенком на западе, проливалось на столицу сумрачный свет. Острая сырость насыщала воздух. Над Малой Невой и Ждановкой, огибавшими Петровский остров, лежала сизая пелена тумана. Из заводских труб тянулись горизонтальные длинные полосы дыма. В некоторых окнах набережной Васильевского острова сверкали огоньки, а от стекол других окон отражались тусклые желтоватые лучи заката. Ряд мачт, с повисшими в безветренном воздухе флагами, зеленые горы сенных барок, широкие трубы иностранных пароходов — все это вытянулось в ряд вдоль берега, вплоть до самого Тучкова моста.

По спокойным водам узенькой Ждановки, отражавшей как в зеркале раскидистые, наклоненные к самой земле ивы и липы Петровского парка, скользил ялик с зеленым ободком и вскинутой вверх кормой. Яличник, жилистый мужичонка с рябым лицом и светлой бородакой, мерно скрипел уключинами, опускал в воду весла и, поворачивая их горизонтально, раскидывал веером брызги. Гребец «старался», — и ялик скользил бодро» (6).

А вот пример опыта, утраченного со временем — путешествие по водному пространству Петербурга на лодке, вступая в особые, «интимные» отношения и с водной стихией и городом в целом. Приведу пример из малоизвестного произведения. «Что возьмешь, — кругом Вольных, Голодая, Галерной в Большую Неву к Николаевскому мосту? ?...? Ветерок понемногу свежел, река раздавалась пошире, ялик так и мчался по течению, а в небе и на земле все ярче и успокоительнее тлела белая ночь, напоминавшая предрассветный сумрак в средней полосе, когда все так четко и вместе странно ласкает зрительные нервы, птицы летают не так — не обыкновенным полетом, — а скорее задумчиво бродят по воздуху, как сонные мухи по белой скатерти...

Эти впечатления, сходные с тихими переливами музыкальной табакерки, покачиванье лодки, баюкающая болтовня молодой женщины, и вино, словно пузырьками поднимавшееся в голову — все сливалось в какое-то неопределенное, расплывающееся ощущение...

— Смотрите — море! Звонко и резко отдалось у него в ушах. Он приподнял голову, склоняющуюся на грудь, и понял, что довольно долго дремал... Осмотрелся...

— Это... это вовсе не то, с изумлением проговорил он. Ни цвета, ни пены, ни волн... Белое, прозрачное, как сама ночь, в каком-то неземном угомоне, отлогими пологими расстилаясь в даль — там оно серебристой чертой отставало от белого неба... Глаз не объедет краев, но повернуть головы не хочется... весла взмахивают, а ялик недвижим — так ничтожен его ход на ровном просторе и не за что зацепиться взгляду, чтобы ход этот стал заметнее... Весело и жутко...» (7).

Не случайно и тот же Александр Бенуа, признаваясь в любви к «моему Петербургу», вспоминает, прежде всего, именно путешествие на ялике через Неву. Видимо, нет более верного способа познать обаяние города, чем через водную его стихию.

И при всем этом, водное пространство Петербурга воспринималось и как тающаяся опасность, причем не только из-за пресловутых наводнений. Какая-то мрачная гипнотическая сила ощущалась чуткими обитателями города.

«Поместившись на самом носу парохода, Бургардт молча любовался красавицей Невой. Что — то такое чудное и хорошее в этой живой, вечно движущейся воде, какая — то скрытая сила и молчаливый покой. Недаром Людмила Игнатьевна боялась воды: ее так и тянуло броситься в воду» (8).

Последняя фраза кажется несколько неожиданной, но вот и в произведении советского автора возникают те же мотивы: «Ветер над рекой, сумасшедший ветер. Ветер хлещет осенней судьбою мир, и город Петра в эти дни сер, дождлив, склизок и полон финских лихорадок. ?...? И в такие осени много людей кончают расчеты с жизнью. Много их во всем мире, слабых душ, и черный стальной кружок, веревочная петля или бесцветная влага в неболтаной склянке приковывают их к себе магнетически. Приковывает их к себе и черная осенняя вода, сулящая осеннее бездумие, и тогда ночная холодная стьяль Фонтанки и Мойки, Невы и — уснувших каналов этой северной пронзительной Венеции — влекут к себе, в неотразимое свое сладострастие» (9).

В этой связи стоит, возможно, вспомнить еще об одной стороне «водного Петербурга»: в городе множество мостов. Давно и заслуженно то обстоятельство, что «мосты повисли над водами» стало одним из важных аспектов красоты Петербурга. Вместе с тем, мосты окутаны мистическими поверьями, придающими им таинственное, даже зловещее значение. «... он говорил, например: мост подобен пути дао, с которого нельзя свернуть, у которого нет обочин. Говорил, что в старину верили: злые силы властны над путником, идущим по мосту, в той же степени, как над путником, идущим по перекрестку, поэтому у начала и конца мостов (конец и начало моста постоянно меняются местами) ставили обереги: грифонов, львов, сфинксов, заговоренные обелиски и колонны, а позже — часовенки у моста или на мосту. Что мостостроители входили в жреческий корпус» (10). Любопытно, что Л. Зуров упоминает о популярном суеверии: «... для того, чтобы твое желание исполнилось, надо сорок церквей посетить и в каждой из сорока церквей помолиться, но вот посетить — то их надо так, чтобы на мост какой не ступать.

— А разве, матушка, — говорила новгородская Поля, — живя здесь, можешь ты это сделать, ты считай: тут церковь и на Обводном, и на Фонтанке, а идешь к Введению — Введенский по дороге этот канал, тут, куда ни глянешь, всюду вода, а надо, золотая, в такое место попасть, где и в чистом поле святых церквей много, а есть поблизости такой город — и это Великий Новгород мой «...»» (11).

Решусь утверждать, что именно это сочетание «веселого» и «жуткого», суеверий и интуиций, восхищения и тревоги, красоты и угрозы и создают обаяние Петербурга, «города над вольной Невой».

Примечания:

1. Ленинград. Путеводитель. -М.-Л.,1931. С.13
2. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Т. 1. — М.,1993. С.14.
3. Берберова Н.Н. Курсив мой.— М., 1999. С.555.
4. Федотов Г.П. Избранные труды. — М, 2010. С. 40-41.
5. Каренин В. Муся. — СПб., 1911. С. 123-124.
6. Длусский К.М. В благоприятной среде. — СПб., 1902. С. 60-61.
7. Ключников В. Цыгане. — СПб., 1871. С. 9-11.
8. Мамин -Сибиряк Д.Н. Полное собр. соч. Т. 11. Пг., 1917. С. 11.
9. Линд В.Г.Идут корабли. — М.-Л., 1927. С. 175-176.
10. Галкина Н. Архипелаг Святого Петра. — М., 2000. С. 301-303.
11. Зуров Л. Обитель. — М., 1997. С. 152.